

Нет автора

Русское слово

1862. 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1862. 4 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 526 с.

ISBN 978-5-458-02985-8

ISBN 978-5-458-02985-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Женская исповѣдь. А. А. ПОТВХИНА.
- ✓ Фальшивый монетчикъ (разсказъ). Н. М. СОКОЛОВСКАГО.
- Ямбы (стихотв.). Д. Д. МИНАЕВА.
- ✓ Очерки изъ исторіи печати во Франціи. И. П. РАГОДИНА.
- ✓ Опредѣленіе на службу (разсказъ). Н. КР.
- Дума (стихотв.). В. Д. ЯКОВЛЕВА.
- ✓ Викторъ Гюго. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.
- ✓ Хивинскія дѣла 1839—1842. С. Н. ЗЫКОВА.
- * * (стихотв.). О. БЕРГА.
- ✓ Приключенія Филиппа (продолженіе романа ТЕККЕРЕЯ).

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

Америка.—Морскія чудовища XIX столѣтія.—Нароксизмъ желѣзнодорожниковъ.—Признаки истиннаго прогресса въ Америкѣ.—Гроза, собирающаяся надъ новымъ Орлеаномъ. Франція.—Подвиги Французовъ въ Мексикѣ.—Послѣдствія финансовыхъ мѣръ Фульда.—Исторія Котильона.—Дѣйствія духовенства. Италия.—Двусмысленная политика Наполеона III.—Теорія папы-подданнаго, развитая Борда-Демуленомъ.—Папа-король виновникъ всѣхъ бѣдствій Италіи и безпокойствъ Европы.—Путешествіе Виктора Эммануила въ Неаполь.—Побѣда Гарибальди, для завербованія молодыхъ людей въ общество національныхъ стрѣлковъ.—Холодныя отношенія Урбана Ратца къ туринской палатѣ. Австрія.—Разсужденія о національномъ долгѣ.—Проектъ закона о прессѣ. Венгрія.—Конкурсъ, назначенный для женщинъ по разнымъ предметамъ науки.—Общество заграничныхъ путешественниковъ. Греція.—Положеніе инсургентовъ и короля Оттона. Турція.—Дѣйствіе турецкихъ войскъ въ Герцеговинѣ и противъ Черногоріи.—Употребленіе денегъ, занятыхъ султаномъ у англійскихъ банкировъ. Пруссія.—Распущеніе палаты и министерства.—Намѣреніе избрать вновь прежнихъ представителей народа.—Положеніе правительственной Пруссіи.

- ✓ **РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.** Воспоминанія о Павлѣ Андреевичѣ Федотовѣ. А. Г. ВИТКОВСКАГО . . . 1.
- ✓ Бѣдная русская мысль. Д. И. ПИСАРЕВА 23.
- ✓ Руководство къ сравнительной статистикѣ Г. Ф. Кольба. Переведено и дополнено подъ редакцію А. Корсака. Изданіе Н. Тиблена, т. I. С. Петербургъ. 1862 г. Н. В. СОКОЛОВА 44
- ✓ Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира. Переводъ съ англійскаго О. Н. Устрялова. С. Петербургъ. 1862. —ДѢ 63
- ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ И. П. КРЕШЕВА. С. Пб. 1862. В. В. КРЕСТОВСКАГО 78
- ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.** ИСТОРИЯ ТЕРРОРА.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНІСЬ.

—Что такое наше общественное мѣніе? Кѣмъ и какъ оно выражается?—Крестьянскій вопросъ; г. Падалица и Бланкъ его порѣшители. — Письмо крестьянина Иванова. — Встрѣча моя съ крестьяниномъ Нижегородской губерніи. — Вѣсти изъ медвѣжьяго угла и Казани объ уставныхъ грамотахъ. — Искъ временно-обязанныхъ крестьянъ г. Каншина противъ бывшаго своего владѣльца и его рѣшеніе мировымъ съѣздомъ. — Очистка входящихъ бумагъ кievскимъ по крестьянскому дѣлу присутствіемъ. — Вяземскій мировой посредникъ Ивановъ и судъ надъ нимъ. — Уставная грамота графа Ланскаго и мой знакомый либераль. — Помѣщикъ Чертковъ. — Юридическіе обычаи крестьянъ и величественное отношеніе къ нимъ «мѣстныхъ начальствъ». — Дѣянія акціонерныхъ компаній. — Подвиги новѣйшихъ баши-бузукъ. — Увеличеніе содержанія городовымъ врачамъ. — Казанская городова больница. — Положеніе о городскихъ банкахъ. — Слухъ объ окончаніи работъ по предмету о земскихъ банкахъ. — Вѣтшій заемъ — Циркуляръ с-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

ДНЕВНИКЪ ТЕМЦАГО ЧЕЛОВѢКА.

Несомнѣнные призраки: весны. — Лѣтній садъ и его мраморные боги и красавицы. — Вліяніе весны на суровыхъ публицистовъ. — Всемирная выставка и русскіе туристы. — Причуды, не догадывай имъ не ловко *будто бы* вѣхать за границу. — Международная: коммисія увеселительныхъ повозокъ за границу и ея краснорѣчивое объявленіе. — Новый способъ жить по программѣ и пріятная заграничная обѣда. — Можно ли знать свое будущее безъ помощи оракула? — Напутственная пѣсня напутію путешественникамъ. — «Таблички жизни» и настольная книга неизвѣстнаго автора «Memento mori». — Увеселительная продѣлка одного иностранца и фантастическая желѣзная дорога въ Воронежѣ. — Ореографическій комитетъ въ Петербургѣ и его замыслы. — Русская азбука передъ лицомъ новаго ареопага. — «Упрощеніе русской грамматики» г. Кадинскаго и его предложеніе о замѣнѣ русскаго шрифта — латинскимъ. — Буква Ъ — въ роли Маріи Стюартъ. — Ея кзвъ и чудесное превращеніе. — Остроумные выводы г. Кеневича по поводу буквы Ъ. — Изгнаніе Ѡ и Э. — Важное значеніе двухъ митинговъ: о крылопыхъ — въ Лондонѣ, и объ азбукѣ — въ Петербургѣ. — Мѣніе Сыва Отечества о цензурѣ. — Извѣстный русскій поэтъ и неизвѣстный публицистъ Пушкинъ. — *Ничто о неблагонамѣренныхъ людяхъ.* — «Вопросы», пѣсня посвященная А. В. Старчевскому. — Обличенный редакторъ. Тридцать рублей за три печатныхъ листа!... — Выгодная продажа. — Темные углы Петербурга. — Голодная промышленность. — Способъ подкидыванья дѣтей въ провинціи. — Ивбненіе младенцевъ полиціей. — Аттестатъ раздаваемый однимъ частнымъ пансіономъ. — Плачь русскихъ акціонеровъ различныхъ обществъ — стикотвореніе. — Протестъ акціонера общества торговли — г. Зубинскаго. — Можно ли брать тихонько чужія деньги на собственные нужды? — Директоръ общества, обличенный въ такомъ поступкѣ и снова выбаллотированный въ директоры. — «Завѣщаніе акціонера» — предсмертная пѣсня. — Абиссинскій Маэстро Лазаревъ и его новые подвиги. — Пѣвецъ Свѣтованя. Французы въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ. — Случай на Владимірской дорогѣ. — Два поэта — католическій и православный. — Пѣсня о прогрессѣ. — Спектакли любителей. «Горе отъ ума» на частномъ театрѣ. — Чѣмъ занимается общество любителей россійской словесности? — Описаніе будущаго памятника Пушкину. — Библиографическое извѣстіе Книжнаго Вѣстника. — Вѣсти изъ провинцій. Вызовъ тарскаго земскаго суда. — Г. Десли — какъ любитель звонкой серебрянной монеты. — Два слова объ Орловской публичной библиотекѣ. — Почему нѣтъ училищъ въ двухъ уѣздныхъ городахъ Воронежской губерніи? — Безкорыстный субъектъ акціоннаго міра. — Сцена изъ Фрейница — опытъ новаго либрето. — Гласность, какъ средство для лихоимства сибирскаго чиновника. — Симѣропольскій скандалъ. — Суды въ провинціи.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ (за апрѣль) В. М. МИХАЙЛОВА?

ЖЕНСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь...

Лермонтовъ.

Это было весною. Мы сидѣли въ саду. Фруктовыя деревья были въ полномъ цвѣту, и воздухъ, насыщенный благоуханіями, сладко томилъ и разнѣживалъ тѣло. Въ каждомъ цвѣтѣ яблоки и сливы сладострастно жужжала пчела. Петрыя бабочки кружились въ воздухѣ, играя на солнцѣ. Зеленая сивоворонка вылетала изъ дупла столѣтней ветлы и садилась на вѣтку, самодовольно покачиваясь на ней. Тысячи жтиць тихо, но весело перекликались на деревьяхъ. Подъ нашими ногами, сквозь листву деревъ, виднѣлась широкая Волга, блестящая серебромъ своихъ водъ и золотомъ солнечныхъ лучей. Тихо катила свои струи величавая рѣка, ласково и медленно покачивая пlyingшія по ней суда... Верхушки пирамидальныхъ раинъ, позлащенные солнцемъ, радостно трепетали въ воздухѣ, между тѣмъ какъ нижнія вѣтви казались совсѣмъ черными и какъ бы дремали въ глубокой тѣни. Вся природа, казалось, была счастлива и утонала въ жѣгѣ полного, сладострастнаго довольства... Какъ теперь вижу я эту обстановку, при которой ея грустное,

Отд. I.

1

болѣзненное лицо возбуждало особенную симпатію. Она рассказывала мнѣ свою печальную повѣсть...

Я была въ то время не такая, какою вы знаете меня теперь... Эти потухшіе глаза въ то время блестѣли жизнью и надеждой, эти засохшія, полинявшія губы тогда еще были свѣжи и улыбались, эти жидкіе волосы въ то время замѣнялись длинной и густой косою, которая часто надоѣдала, и тяготила голову, хотя нерѣдко я и сама любовалась ею. Всѣ меня называли красавицей, говорили это въ глаза и за глаза. Я сама знала, что была хороша. Немного прошло съ тѣхъ поръ времени, но никто не узнаетъ меня. Я пережила два тяжелыхъ горя: первое прошло, хотя послѣ мучительныхъ страданій, но не оставило по себѣ такихъ печальныхъ слѣдовъ и не разрушило меня такъ, какъ послѣднее.

Мы жили въ этой самой деревнѣ, гдѣ и теперь, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Я воспитывалась дома во всей патриархальной простотѣ нашей семьи и нашего небольшого деревенскаго общества. Мнѣ только что минуло пятнадцать лѣтъ, когда въ меня влюбился и сдѣлалъ мнѣ предложеніе нашъ сосѣдъ, помѣщикъ, такой же молоденькій и такой же почти ребенокъ, каковымъ была и я. Онъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова и притомъ такъ добръ, нѣженъ, въ немъ было столько симпатичнаго, что, мнѣ казалось, я сама была влюблена въ него. Вы знаете, мы очень не богаты, семья у насъ большая, напротивъ, онъ считался сравнительно богатымъ человекомъ. Родители меня охотно за него отдали.

Я помню эти два года, которые мы прожили съ нимъ вмѣстѣ, вдвоемъ, почти безвыѣздно въ его деревнѣ. Я вспоминаю объ этомъ времени, какъ о какомъ-то прелестномъ, радостномъ снѣ, который такъ похожъ и вмѣстѣ не похожъ на дѣйствительную жизнь... Должно быть это время было то, что называется полнымъ счастіемъ. Мы жили какъ будто въ какомъ-то раю, гдѣ все намъ улыбалось, все намъ радовалось, все жило и существовало только для насъ однихъ. Мы не знали не только горя и скуки, но даже не понимали, что значить о чемъ нибудь думать и заботиться. Мы жили только сами въ себѣ и другъ въ другѣ. Намъ не было дѣла

ни до людей, ни до кого и ни до чего на свѣтѣ. Разумѣется, это была жизнь счастливыхъ, балованныхъ дѣтей, но жилось такъ хорошо, такъ весело, такъ радостно... Теперь я не понимаю возможности такой жизни, а въ то время намъ не приходило даже въ голову подумать: можетъ ли быть и есть ли какая нибудь иная жизнь. Я не могла бы вамъ рассказать, какъ мы проводили время, что дѣлали, о чемъ говорили, чѣмъ занимались. Но мы были постоянно довольны, постоянно веселы, вотъ какъ эти бабочки, которыя теперь кружатся въ воздухѣ. Мы просыпались съ улыбкой, цѣлый день смѣялись и засыпали опять съ той же улыбкой...

Не знаю, долго ли бы мы наслаждались этимъ блаженствомъ, еслибы не нарушила его вдругъ и неожиданно смерть... Онъ умеръ. Умеръ послѣ весьма непродолжительной болѣзни. Я до тѣхъ поръ не видала смерти, я только слыхала, но никогда не думала о ней. Меня такъ поразила необходимость вѣчной разлуки съ Полемъ, что я сошла съ ума въ ту самую минуту, какъ его хоронили... Родители увезли меня къ себѣ. Я убѣжала отъ нихъ въ домъ Поля. Родители переѣхали туда же, чтобы наблюдать за мной. Рассказываютъ, что я цѣлые дни проводила на могилѣ мужа, что-то такое шептала или рассказывала весело, со смѣхомъ, какъ будто онъ былъ передо мною. Я просиживала бы тамъ и ночи, еслибы меня не уводили домой насильно.

Зачѣмъ-то меня стали повязывать бѣлымъ платкомъ. Деревенскіе ребяташки постоянно провожали меня толпою на кладбище и домой, называя сумасшедшей барынькой. Я скоро съ ними подружилась, играла съ ними, отвѣчала на ихъ смѣхъ и шалости веселымъ хохотомъ.

Между тѣмъ меня лечили. Что со мною дѣлали—не помню, но знаю изъ рассказовъ, что мѣсяцевъ черезъ семь послѣ смерти мужа сумасшествіе прошло и я впала въ уныніе, тосковала и часто плакала о Полѣ. Родители рѣшили отвезти меня въ Москву, гдѣ жилъ старшій братъ мой; надѣялись, что новыя впечатлѣнія и разсѣянная жизнь меня окончательно вылечатъ. Они не ошиблись: я выздоровѣла, но на радость ли? Не лучше ли бы было мнѣ остаться на всю

*

жизнь сумасшедшей? Мнѣ кажется, я не страдала въ сумасшествіи, мнѣ кажется, напротивъ, я продолжала жить прежнею счастливою жизнью... Правда, я жила до тѣхъ поръ только для себя одной, я должна была, можетъ быть, какъ человѣкъ, жить въ обществѣ и для людей. И я узнала эту жизнь... Но слушайте же, принесла ли я радость хоть кому нибудь? Нужна ли я была людямъ?

Братъ мой былъ холостой человѣкъ, умный, честный, но нѣсколько сухой и эгоистъ. Нужда ли, которую онъ перенесъ до тѣхъ поръ, пока создалъ себѣ приличное положеніе въ обществѣ, то ли, что онъ былъ всѣмъ обязанъ себѣ одному, сдѣлали его такимъ—я не знаю, но онъ видимо любилъ только себя одного, а затѣмъ признавалъ долгъ, во имя котораго и дѣйствовалъ такъ или иначе, но всегда холодно, равнодушно, безъ увлеченій и никогда не измѣнялъ себѣ. Мы съ нимъ не видались съ дѣтства и я почти не помнила его, конечно, и онъ меня также, но онъ встрѣтилъ меня ласково, привѣтливо, хотя и безъ особенной нѣжности. Онъ сказалъ родителямъ, что считаетъ себя обязаннымъ окружить меня всевозможной заботливостью и сдержалъ свое слово; но мы никогда бы не могли подружиться и, проживши у него слишкомъ годъ, я никогда не входила съ нимъ въ интимные разговоры и никогда не любила его, но только уважала и нѣсколько боялась.

Родители пробыли со мною въ Москвѣ нѣсколько недѣль и, полагаясь на брата, оставили меня его попеченію, а сами возвратились въ деревню, куда призывала ихъ и привычка, и хозяйство, которымъ они существовали. Я осталась одна съ братомъ. Чтобы слѣдить за состояніемъ моего здоровья, былъ приглашенъ докторъ, а между тѣмъ мнѣ доставлялись всѣ возможныя развлеченія.

Я въ первый разъ была въ столицѣ и ея громадность, заданія, шумъ, постоянное движеніе очень меня занимали; но всего больше и съ перваго же раза меня увлекъ театръ. Я помню его первое впечатлѣніе. Прежде всего меня поразила въ немъ громадность постройки, множество народа, обиліе свѣта и блеска, какихъ я не видывала; но когда открылся занавѣсъ и я услышала со сцены звуки отрасти, выра-

женіе новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ чувствъ, у меня захватило духъ, я забыла все окружающее и превратилась въ слухъ и зрѣніе. Я не помню, какую піесу играли, кто были актеры, хорошо или дурно исполняли свои роли, но я, какъ ребенокъ, то хохотала, то горько плакала и до такой степени искренно и безцеремонно, что братъ меня старался останавливать и даже признавался послѣ, что былъ смущенъ моимъ поведеніемъ и боялся, что я обращу на себя общее вниманіе и даже насмѣшки. Но я совершенно не уясняла себѣ въ то время замѣчаній и совѣтовъ брата и не въ силахъ была даже обратить на нихъ вниманіе: въ головѣ моей поднимались и роились какія-то новыя мысли, сердце было переполнено какими-то смутными ощущеніями. Мнѣ было и весело, и грустно, и тяжело въ одно и то же время. Мнѣ кажется, что только въ эти минуты я окончательно выздоровѣла отъ сумасшествія, покрайней мѣрѣ въ первый разъ, но возвращеніи изъ театра, я думала почти цѣлую ночь—и могу сказать о чемъ.

До сихъ поръ мнѣ было только скучно, тяжело, грустно, но отчего, почему—я не могла сказать. Поль представлялся мнѣ какъ живой, но я никогда не думала о немъ, не провѣряла его словъ и моихъ отношеній къ нему, я просто тупо горевала о человѣкѣ, къ которому привыкла, съ которымъ никогда не думала разстаться и котораго не было со мною. Въ эту ночь, напротивъ, мнѣ какъ-то уяснился его образъ, я какъ будто поняла, что это былъ за человѣкъ, что я къ нему чувствовала и что въ немъ потеряла. Я припоминала всѣ его фразы, его ласки, наши почти дѣтскія игры, нашъ образъ жизни въ теченіи двухъ лѣтъ, которыя мы съ нимъ прожили; и меня поражало, отчего это Поль никогда ничего не говорилъ мнѣ такого или въ родѣ того, что я слышала въ театрѣ, отчего всѣ его слова были такъ похожи одни на другія, отчего они не возбуждали во мнѣ ничего похожего на тѣ ощущенія, которыя я переживала въ театрѣ, отчего каждый день нашей жизни съ нимъ такъ похожъ на всѣ другіе, откуда, изъ чего возникаютъ между людьми такія разнообразныя отношенія, которыя я замѣтила сегодня въ первый разъ на сценѣ,

отчего это въ настоящую минуту, еслибъ даже Польша явилась передо мной живый, я бы иначе стала выражать ему любовь мою и мнѣ скучно было бы попрежнему бѣгать въ запуски или скакать по стульямъ и столамъ, какъ это, бывало, забавляло насъ по цѣлымъ часамъ? Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Польша не только безпрестанно цѣловала меня и носила на рукахъ, и чтобы онъ не говорилъ мнѣ только тѣ слова нѣжности, которыя я постоянно отъ него слышала, не называла бы меня только душечкой, красоточкой, ангелочкомъ, сокровищемъ; я хотѣла бы, чтобы онъ сказалъ мнѣ что нибудь другое, болѣе сильное, болѣе выражающее его любовь ко мнѣ. Я хотѣла бы, чтобы онъ не только говорилъ мнѣ: какъ сегодня тепло—пойдемъ гулять, или какой славный воздухъ—будемъ пить чай въ саду, или какой чудесный морозъ—пойдемъ кататься и сами будемъ править лошадей, и чтобы онъ не смѣялся такъ весело, когда обгонитъ меня или когда опрокинутся сани и я упаду въ снѣгъ. Зачѣмъ это, отчего намъ всегда было такъ весело, такъ все смѣшно и радостно, отчего это мы всегда только играли и веселились, тогда какъ въ жизни такъ много горя и страданій? да отчего и веселье, и радость у другихъ людей выражаются совсѣмъ не такъ, какъ у насъ? Мы съ нимъ какъ будто бы ничего не желали и не ждали отъ жизни, а другие, вѣдь, такъ многого желаютъ и къ чему-то стремятся.. И что бы было, еслибы я вдругъ потребовала отъ Польша другихъ мыслей, другихъ чувствъ и словъ, и еслибы вдругъ вся та жизнь, которую мы вели, показалась бы мнѣ такою однообразною и даже скучною, какъ кажется теперь? Что бы стала Польша говорить и дѣлать? Однимъ словомъ, я тогда не уяснила себя, но въ первый разъ почувствовала, а поняла уже впоследствии подъ вліяніемъ другаго человѣка, что еслибы судьба перенесла меня въ какую нибудь иную обстановку, въ другую сферу жизни, съ иными людьми и еслибы въ душѣ моей возникли какимъ нибудь образомъ новыя потребности, то Польша не могъ бы отвѣчать мнѣ на нихъ и я могла бы разлюбить его или покрайней мѣрѣ скучала бы въ его обществѣ...

Мало-по-малу театръ сдѣлался для меня не только лю-

ближайше равнеченіемъ, но почти необходимостью, и всякій разъ, какъ братъ предлагалъ мнѣ какое нибудь общественное удовольствіе, я просила его, чтобы онъ ѣхалъ со мною въ театръ. Черезъ него я знакомилась съ жизнью, которою до сихъ поръ не жила, въ немъ я училась и чувствовать, и мыслить—онъ развивалъ меня; не знаю, правильно ли думала я о жизни и людяхъ, но я уже думала и рассуждала.

По мѣрѣ того, какъ я выздоравливала, то есть дѣлалась веселѣе и разговорчивѣе, квартира брата чаще и чаще наполнялась молодыми людьми и товарищами его по службѣ. Это были большею частью все чиновники, люди или очень солидные и серьезные, съ какимъ-то сухимъ, однообразнымъ разговоромъ, или очень бойкіе, развязные и говорливые, но которые также казались мнѣ похожими одни на другихъ и бесѣда которыхъ никогда не увлекала и не занимала меня. Первые говорили все больше о дѣлахъ и иногда очень не смѣшно шутили, хотя сами очень громко хохотали, другіе рассказывали постоянно какія-то новости для меня вовсе не интересныя, какіе-то анекдоты о своихъ знакомыхъ, которыхъ я не знала, говорили и спорили о повѣстяхъ и романахъ, обращаясь въ этомъ случаѣ ко мнѣ, но я въ то время еще ничего почти не читала; заговаривали иногда и о театрѣ—при этомъ разговорѣ я оживала, но не надолго, потому что, мнѣ казалось, они говорятъ совсѣмъ не о томъ, что меня занимало въ сценическомъ произведеніи: они опѣивали игру актеровъ, критиковали иногда и самое драматическое произведеніе, а меня занимала самая жизнь, которая была перенесена и изображена на сценѣ... Я не умѣла объяснить своихъ мыслей, да и не хотѣла ихъ высказывать, а потому, просиживая цѣлые вечера въ кругу молодыхъ людей, больше молчала и слушала и почти всегда только утомлялась, не вынося ничего изъ продолжительныхъ разговоровъ. Было нѣсколько человекъ, которые видимо любезничали со мною, говорили мнѣ комплименты, старались понравиться, но всѣ они не только не интересовали меня, но даже казались очень скучны и противны.

На этихъ вечеринкахъ сначала изрѣдка, а потомъ чаще и чаще, сталъ появляться докторъ, который лечилъ меня,

Это былъ молодой человѣкъ, очень серьезный и молчаливый, который въ то время начиналъ входить въ славу, но не сдѣлался еще очень дорогъ и потому былъ приглашенъ братомъ тѣмъ болѣе, что они были знакомы еще съ университета. Я не стану вамъ описывать его наружность: скажу одно только, что у него были прекрасные глаза съ какимъ-то мягкимъ, ласкающимъ и въ то же время чрезвычайно грустнымъ выраженіемъ. Сначала я не обращала на него большаго вниманія; онъ пріѣзжалъ каждое утро только на нѣсколько минутъ, и, спросивши о состояніи моего здоровья, давши какой нибудь совѣтъ или, поговоря наединѣ съ братомъ, тотчасъ же уѣзжалъ. Вскорѣ визиты его стали продолжительнѣе и онъ иногда вступалъ со мною въ разговоръ, но въ такой общій и неопредѣленный, что не оставлялъ послѣ себя никакого впечатлѣнія. По вечерамъ, въ обществѣ другихъ молодыхъ людей, онъ большею частью молчалъ и, если вступалъ въ разговоръ, то говорилъ какими-то отрывочными фразами, въ которыхъ иногда было много ума и желчи и которыми, я не разъ замѣчала, онъ иногда сердилъ, иногда смущалъ своихъ собесѣдниковъ; но и это случалось не часто. Обыкновенно онъ сидѣлъ и молчалъ.

Въ эти вечера я нерѣдко замѣчала его глаза, какъ бы прикованные ко мнѣ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ; но всякій разъ, какъ наши глаза встрѣчались: или я спѣшила почему-то уклониться отъ его взглядовъ, или онъ быстро избѣгалъ моего взгляда. Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался чрезвычайно ласковъ и внимателенъ ко мнѣ, но былъ также не разговорчивъ, какъ и со всѣми.

Однажды, утромъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ то время, когда брата не было дома. Это былъ не обычный часъ его визита.

Для компаніи мнѣ нанята была какая-то бѣдная женщина, которая должна была находиться со мною въ отсутствіе брата и въ то же время занимала у насъ должность экономки. Это была очень не глупая, говорливая и чрезвычайно хвастливая особа, которая постоянно надѣдала мнѣ рассказами о своей жизни: какъ она прежде жила въ бо-